

Капризы и странности судьбы

Судьба всегда дает шанс! Не верите?

Читайте романы Олега Роя:

■

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Банкротство мнимых ценностей
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Пасынки судьбы
Он & Она
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искушение
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак
Дочки-матери, или Каникулы в Атышево
Фантомная боль
Я тебя никому не отдам
Страх
И небеса пронзит комета
Числа зверя и человека
Диалогия «Ловушка»
Ловушка для вершителя судьбы
Ловушка для влюбленных
Секреты семейного счастья от Олега Роя
МУЖЧИНА и женщина
ЖЕНЩИНА и мужчина
Скользящий странник

Сборник рассказов О. Роя и участников конкурса «Страсти по Олегу Рою»

ОЛЕГ
РОЙ

Пасынки судьбы
роман

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Оформление серии *С. Груздева*

Издание осуществлено при содействии *Н. Я. Заблоцкиса*

Рой, Олег.
Р65 Пасынки судьбы : роман / Олег Рой. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя).

ISBN 978-5-699-86941-1

Каждая женщина хочет найти мужчину, который стал бы ее ангелом-хранителем. Настя не была исключением. И вот под Новый год, когда девушке было плохо, как никогда, она встретила его. Только он оказался... настоящим ангелом. Ангелом, грезившим о такой встрече, но уже потерявшим надежду обрести Настину душу. На радостях он готов был исполнить любой каприз своей подопечной. И девушка не ограничивала себя в желаниях до тех пор, пока не поняла, что они никак не связаны с ее главной мечтой. Но может ли ангел-хранитель воплотить ее, не пожертвовав собою? И нужна ли Насте такая жертва?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86941-1

© Резепкин О., 2016

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава первая,

*из которой можно узнать кое-какие подробности
из жизни ангелов-хранителей на Земле*

Если бы в тот синий, морозный, истинно предновогодний вечер кто-нибудь увидел молодого человека, неторопливо шагавшего по Ильинке, то счел бы, что он ничем особенным не отличается от остальных прохожих. Ну разве что очень внимательный глаз смог бы обнаружить (и то пристально взглядевшись) одну небольшую странность. В тот день, как, собственно, и должно быть в рождественские каникулы, выдался сильный снегопад. В густом сумраке над городом медленно и плавно кружились крупные белые хлопья, мягко ложились на обледенелые тротуары, застилали стекла автомобилей с усиленно работавшими «дворниками», щедро осыпали одежду спешащих по своим предпраздничным делам прохожих. Но ни на длинном черном пальто молодого человека, ни на непокрытой голове не осело ни единой, даже самой маленькой снежинки. А во всем остальном — юноша как юноша. На вид лет двадцати трех, максимум двадцати пяти. Не очень высокий, но стройный. Длинные светлые волосы закрывали поднятый воротник и то и дело падали на лицо, из-за чего ему приходилось отбрасывать их назад характерным движением головы. Одет он был со вкусом и, пожалуй, даже с некоторым шиком: под незапахнутым пальто черная водолазка и темные стильные джинсы, на ногах черные сапоги с

заостренными носами. На одной руке молодого человека была надета кожаная перчатка, другую перчатку он то ли снял, то ли забыл надеть, во всяком случае, так и держал в той же руке. Через левое плечо был перекинут ремешок небольшой сумки, висевшей у него на правом боку и имевшей несколько непривычную для подобных вещей форму — удлиненную, широкую вверху и слегка сужающуюся книзу, но, главное, не плоскую, как обычные борсетки, а объемную, словно предназначенную для того, чтобы носить с собой одновременно полдюжины книг карманного формата. Узкий ремешок украшала бляшка в виде чуть приплюснутой восьмерки — символа бесконечности.

Молодой человек шел не торопясь, вертел головой по сторонам и с восхищением разглядывал праздничную зимнюю Москву. Ему нравилось все: и снегопад, и яркая подсветка улиц, и улыбающиеся румяные Деда Морозы и Снегурочки на рекламных плакатах, и украшенные мишурой и гирляндами разноцветных лампочек лотки с фейерверками и подарками, и, конечно же, елки, множество елок всех мастей и размеров, встречавшиеся чуть не на каждом шагу, — от огромных пушистых елей из пластика, возвышавшихся на площадях, до совсем крошечных, разноцветных, серебристых или золотых елочек в ярко освещенных витринах магазинов и окнах кафе и ресторанов. Но все-таки больше всего юношу интересовали люди. Ловя долетавшие до него обрывки разговоров, он вглядывался в лица прохожих и с удовольствием замечал на них в основном радостное выражение: праздничное веселье, предвкушение долгих каникул, приятные предновогодние хлопоты.

В последний вечер накануне Нового года в центре столицы

было особенно оживленно. У магазинов и ресторанов то и дело останавливались автомобили, из них выходили respectable вида мужчины и выпархивали яркие и беззаботные, как бабочки, женщины, одетые так нарядно и легко, словно на дворе был май. Прячась от снегопада, они спешили как можно скорее попасть внутрь и торопливо проскальзывали в гостеприимно распахивающиеся перед ними стеклянные двери.

Вместе с потоком прохожих молодой человек миновал Хрустальный переулок и вскоре оказался около красивейшего старинного здания одного из самых знаменитых торговых домов России. Ярко светившиеся в морозном вечернем сумраке витрины ГУМа так и манили зайти внутрь, окунуться в тепло, уют и праздничную суету рождественского шопинга.

Молодой человек остановился около одной из красочно оформленных витрин, заглядевшись на небольшую искусственную елку, изысканно украшенную одинаковыми, бордовыми с золотом, шарами.

— Ой, посмотри, какая прелесть! — прозвучал откуда-то сбоку от него звонкий девичий голосок.

Он оглянулся. Две юные подружки, обе в одинаковых курточках, только одна — в белой, а другая — в темно-зеленой, тоже рассматривали витрину и любовались венчавшей елку маленькой фигуркой ангела.

— Смотри, какое у него личико, какие крылышки — с ума сойти! Умираю, хочу такого же ангелочка! Обожаю ангелочков! Как думаешь, они продаются? — щебетала та, что в светлой куртке, она была повыше ростом.

— Понятия не имею! Пойдем посмотрим... Но вообще, не забывай, мы тебе за платьем пришли, — отвечала ее невысо-

кая спутница. — А то я тебя знаю! Как начнешь рот разевать по сторонам, хочу то да хочу это, — так и забудешь обо всем на свете.

Девушки шагнули в вертящуюся дверь, и молодой человек двинулся следом за ними. Он обогнал подружек и, обернувшись, заглянул им в лицо — сначала одной, потом другой, — но они не обратили на него никакого внимания. Их уже околдовал волшебный мир яркого света, праздничной суматохи, сочных красок и изысканных ароматов.

Юноша неторопливо двинулся вдоль по линии, иногда замедляя шаг и оглядываясь вокруг. Но его внимание привлекали не названия фирм и марок, не по-новогоднему украшенные витрины салонов и бутиков и не ассортимент товаров. Он смотрел только на людей. Задумчивые карие глаза медленно и привычно скользили по лицам многочисленных оживленных покупателей; продавщиц в форменной одежде, ухитряющихся сохранять вежливость и внимательность, несмотря на усталость; строгих, коротко стриженных охранников, которые, расправив плечи и сложив руки за спиной, бдительно обозревали вверенное им пространство. Взгляд юноши останавливался на каждом новом лице, напряженно сосредоточивался на некоторое время и, словно разочаровавшись, следовал дальше в поисках очередного лица. И хотя поведение молодого человека можно было бы счесть несколько странным и даже, пожалуй, невежливым, тем не менее оно ни у кого не вызывало недовольства. Никто не настораживался, не отворачивался неприязненно, не бросал в ответ недоуменного или подозрительного взгляда. Даже постоянно находящимся на-

чеку охранникам, казалось, не было никакого дела до того, что их так пристально рассматривают.

Только однажды безмолвный призыв юноши не остался незамеченным. Навстречу ему вскинулись другие глаза, ярко-голубые и чистые, точно апрельское небо в солнечный день. Такой взгляд бывает только у маленьких детей — взор, не замутненный еще печалью, заботами и мыслями, которые надо скрывать от других. Взгляд человека, привыкшего радоваться миру.

Впрочем, в тот момент обладатель небесно-голубых глаз совсем не радовался. Наоборот, его румяное пухлощекое личико было печально, носик забавно наморщен, а губки надуты. Ясно было, что еще минута — и сидящий в прогулочной коляске малыш зайдется в отчаянном реве.

Догадаться о причине его переживаний было несложно — на мраморном полу рядом с коляской валялся забавный глазастый лягушонок, очевидно, только что выпавший из рук малыша. Ребенок тянулся к своей игрушке, но никак не мог ее достать, а его молодая рыжеволосая мама в изящной белоснежной шубке, красиво облегавшей ее стройную фигурку, не замечала этого. Стоя у витрины с косметикой, праздничная распродажа которой бойко шла в киоске посреди линии, она выбирала помаду, проводила пробниками на кисти руки и была так увлечена своим занятием, что ничего не замечала вокруг.

Молодой человек подошел к малышу, присел на корточки и потрепал его по выбившимся из-под съехавшей набок шапочки вихрам.

— Совсем тебя забросили, да? Не грусти, сейчас я помогу твоему горю.

Поднявшись на ноги, он сделал шаг к молодой женщине, встал у нее за спиной, положил ей руку на плечо и что-то негромко сказал на ухо. Но, как ни удивительно, мама малыша совсем не оскорбилась такой фамильярности, словно ее и не заметила. Во всяком случае, она не вскрикнула возмущенно и ничего не сказала молодому человеку, даже не посмотрела на него, а лишь слегка вздрогнула, быстро взглянула на своего ребенка и вернула помаду продавцу.

— Нет, благодарю вас, это тоже не подходит!

Присела на корточки, подняла игрушку, отдала ее малышу, поправила ему шапочку и нежно погладила сына по голове.

— Ну вот твой Кваки и вернулся! А ты, бедный, совсем загрузил, пока я тут косметику выбирала... Знаешь что, пойдем-ка мы с тобой лучше посмотрим елочные игрушки!

Малыш весь засветился от радости и поглядел через ее плечо на молодого человека. Тот улыбнулся, помахал ему рукой, ребенок в ответ тоже замахал ладошкой. Молодая мама обернулась, проследив направление взгляда сынишки, посмотрела в ту сторону, где стоял молодой человек, и перевела удивленные глаза на малыша.

— Проща, а кому это ты машешь? Там же никого нет!

Ребенок только улыбнулся — он был еще слишком мал, чтобы ей ответить.

Женщина взялась за ручку коляски и покатила ее в центр линии — туда, где между колоннами красовалась нарядная елка, а вокруг продавались новогодние украшения. Молодой

человек направился следом за ними, но не стал останавливаться у витрин и стендов, а двинулся дальше.

До закрытия магазина оставалось чуть больше двух часов, но покупатели все продолжали прибывать. Казалось, их становится все больше и больше с каждой минутой. Рядом с лестницами образовалась уже настоящая толкотня, люди снова-ли туда-сюда, проходили иногда очень близко к юноше, почти задевая его, но почему-то никому и в голову не пришло обойти его или посторониться. Навстречу ему шли давнишние подружки, спорящие, будет ли в следующем сезоне опять моден розовый цвет. Та, что повыше, утверждала, что будет, потому что об этом пишут все модные журналы; другая горячо возражала, что «розовый — это полный отстой», и сделала в подтверждение своих слов столь энергичный жест, что чуть не заехала молодому человеку по лицу, но не извинилась и даже не придала этому никакого значения, точно не увидела его. Впрочем, все эти досадные недоразумения, казалось, совершенно его не смущали. Молодой человек прошел всю линию до конца и вышел с другой стороны магазина, на Никольскую улицу. Свернул налево, обогнул угол собора Казанской Божией Матери, бросил взгляд на главные часы страны — куранты на Спасской башне, которым чуть больше чем через сутки предстояло в очередной раз оповестить Россию о наступлении Нового года, и вскоре оказался у входа в Исторический музей. В это время года, когда остроконечные шатры башен и башенок, кирпичное кружево, украшавшее окна и стены, были припорошены пушистым снегом, здание, освещенное со всех сторон яркими огнями, выглядело особенно красиво.

Музей был давно закрыт, но молодого человека это не остановило. Он вошел внутрь и, миновав вестибюль, стал подниматься по лестнице, с этажа на этаж, следуя на самый верх, туда, где уже заканчивалась экспозиция и начинались служебные помещения. На пути ему иногда попадались работники музея (в основном охрана), и юноша почти машинально продолжал их рассматривать, но и тут, как ни странно, никто на это не реагировал. Никто не только не остановил вежливым «Вы кого-нибудь ищете?» или решительным «Извините, но посторонним сюда нельзя!», но даже не удостоил его ответным взглядом.

В конце концов молодой человек достиг цели своего пути. Он оказался на самом верху одной из башен, правой, если смотреть от Красной площади. И здесь его взору предстала удивительная картина.

Просторное круглое помещение, внутри намного более обширное, чем это можно было бы предположить, глядя с улицы, было битком забито людьми, и при этом людьми настолько разными, до такой степени непохожими друг на друга, что на первый взгляд просто фантазии не хватало объяснить, какая такая загадочная надобность вдруг свела их здесь вместе.

Тут были мужчины и женщины самой разной внешности, возраста и комплекции. Юные и пожилые, высокие и маленькие, худощавые и плотного телосложения, длинноволосые и коротко стриженные, блондины, брюнеты, шатены, рыжие и лысые, с европейскими, азиатскими и даже негроидными чертами. Одежда на них поражала разнообразием стилей, сезонов и эпох: элегантные дорогие наряды престижных марок

сосуществовали с линялыми лохмотьями; «международные» джинсы и кроссовки — с яркими индийскими сари, полосатыми узбекскими халатами и даже набедренными повязками; легкомысленные пляжные шорты — со строгими деловыми костюмами; шубы, меховые шапки и унты — с легкими и яркими летними сарафанами, а ультрамодные модели из последних коллекций — с винтажной одеждой в стиле семидесятых, пятидесятых и даже двадцатых годов минувшего столетия. Казалось, какая-то огромная киностудия объявила кастинг на несколько фильмов сразу, и актеры, уже одетые и загримированные каждый для своей картины, в ожидании томятся в очереди.

Разношерстная толпа действительно напоминала очередь. Кто-то сидел на кожаных диванах, кто-то прислонялся к стене, кто-то стоял посередине комнаты, кто-то устроился прямо на сверкающем паркете, и все явно чего-то ожидали. Вели себя они тоже по-разному: одни молча смотрели в окно или даже просто в пол, другие читали, некоторые беседовали вполголоса, кто-то громко спорил или нервно расхаживал по комнате. Но при всей несхожести ожидающих существовала одна деталь, объединяющая все это непонятное сборище, — у каждого из присутствующих через левое плечо был перекинут ремешок точно такой же небольшой сумки из коричневой кожи с бляшкой-восьмеркой, как та, что висела на боку у только что пришедшего молодого человека.

Юноша медленно двинулся вдоль очереди, краем уха улавливая обрывки разговоров:

- ...целый месяц искал, хватит уже...
- ...как думаешь, дадут?..

— ...тогда я поняла, что надо идти сюда...

— ...ну, конечно, *они* ее тут же сделали «Мисс Самара» и девушкой года...

Посередине коридора сидела на полу, далеко вытянув длинные ноги, высокая бледная женщина в джинсах и свободном сером свитере, с собранными в хвост темными волосами.

— Извините, — сказал юноша и попытался ее обойти.

Женщина согнула ноги в коленях, пропуская его, и поглядела с такой болью, с таким отчаянием, что у молодого человека сжалось сердце. Он шагнул было к ней, хотел заговорить, но она отвернулась и стала смотреть в окно, за которым в яркой подсветке были видны весело падающие снежинки.

Молодой человек двинулся дальше, но тут его кто-то окликнул:

— И ты здесь, Апрель? Неужели так до сих пор и не нашел?

Он обернулся. На обитом светло-коричневой кожей диване сидела, облокотясь о подлокотник, очень красивая белокурая девушка, одетая так, будто сошла со страниц последнего номера глянцевого журнала.

Юноша покачал головой:

— Нет. Так и не нашел. Но ты? Ты-то что здесь делаешь, Гортензия? Насколько я помню, твой подопечный один из самых удачливых и благополучных молодых людей в своей стране?

— Был, — невесело отвечала девушка, закидывая одну ногу на другую. — То есть удачливым и благополучным он остается до сих пор... Ему все дано от рождения и всегда так

везло, что мне иногда казалось — я ему вообще не нужна. У него и без меня все хорошо...

Сидевший рядом с девушкой на диване невысокий худенький человек неопределенного возраста, узкоглазый и темно-волосый, похожий на вьетнамца или китайца, покачал головой:

— Чего только не бывает! До того человеку хорошо, что уже и ангел-хранитель не нужен...

— Лучше так, чем наоборот, — включился в разговор стоявший у стены пожилой мужчина, подтянутый, с коротким ежиком седых волос, в костюме военного покроя. — Я-то своему стал не нужен совсем по другой причине... — И он тяжело вздохнул.

— Так что же случилось с твоим подопечным? — спросил тот, кого назвали Апрелем, у своей собеседницы.

Девушка по имени Гортензия тоже вздохнула.

— Он совершил поступок, после которого его душа уже больше не принадлежит светлым силам... Извини, мне трудно об этом говорить, — на ее глаза навернулись слезы.

— Конечно, я понимаю. — Юноша нежно пожал ее руку чуть выше локтя. — Представляю, как тебе больно, как тяжело...

— Да уж... — кивнул коротко стриженной головой мужчина. — Я последнее время часто думаю: как это все-таки замечательно, что у нас, у ангелов, нет души! Нечему болеть за наших подопечных. Да и за других людей тоже...

— Не переживай, Гортензия. — Юноша изо всех сил старался утешить свою знакомую. — Это его выбор. Твой подопечный, как и любой человек, вправе сам выбирать себе дорогу... А у тебя еще все будет хорошо. Ты вернешься домой,